

О. В. Асташова

ИСПОЛНЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ (VII–VI ВВ. ДО Н. Э.)

Работа представлена кафедрой философии культуры и эстетики факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. В. Прозерский

В статье рассматривается древнегреческая поэзия как форма устной и публичной коммуникации при непосредственном контакте исполнителя и слушателя. Поэзия была удобным средством для трансляции новых идей и тенденций в меняющейся культуре архаической Греции.

The article describes the poetry of archaic Greece as a form of oral and public communication with direct interaction of the performer and listener. The poetry was an instrument for translation of new ideas and tendencies in changing culture of archaic Greece.

Поэзия является частью семиотического динамического комплекса культуры. Культура состоит из ряда культурных систем, интегрированных и сплетенных между собой большим количеством звеньев (литература, религия, политика, мораль). Эти системы находятся в постоянном диалоге¹. Изменения, которые могут произойти в одной системе, с необходимостью влияют на другие системы². В поэзии как единственной форме литературной практики отражались основные идеи, доминирующие в греческом обществе в данный период. С одной стороны, в нем было сильно наследие традиционной культуры, но в это время произошел ряд существенных изменений. Архаический период в истории Древней Греции является действительно революционным временем, когда формируются города-государства, вновь вводится письменность, постепенно появляется литература, кодифицируются гомеровские поэмы, намечаются тенденции к панэллинизации, увеличивается роль Дельфийского оракула, поднимается волна греческой колонизации, учреждаются панэллинские игры, начинается утверждение демократии, которая приходит на смену единоличной власти тиранов. Поэзия как форма и категория культуры отражает те эпохальные изменения, которые произошли в Древней Греции этого периода, позволившие назвать его эпохой «культурного переворота»³. Поэзия стала проводником этих идей. Она воплощала новое, помещая его в «старые» известные формы, поскольку в культуре, ориентированной на сохранение традиции, только в традиционной форме новые установки могли быть усвоены и приняты.

Поэтическое не было в это время еще теоретизировано, поэтому, говоря об эстетических установках, мы говорим о них как имплицитных. Чтобы выяснить эстетические доминанты архаической эпохи, необходимо реконструировать исторический контекст создания и бытования произведения, ибо любое восприятие опосредовано культурной традицией⁴.

«Эстетическое» в Древней Греции архаического периода формировала не только форма произведения, но и внешние факторы. Греческая поэзия глубоко отличается от современной поэзии по содержанию, форме и способам презентации. Следует отказаться от современного взгляда на поэзию как достояние элиты и выражение личных чувств и переживаний автора. Греческая поэзия на раннем этапе своего существования была тесно связана с реальностью социальной и политической жизни, с поведением индивида внутри сообщества. Она черпала свои темы в мифе, который был одновременно единственным предметом и нарративом, и драматической поэзии, а также постоянной точкой парадигматической референции в лирике. До V в. до н. э. исполнение поэтического произведения было привязано к определенным социальным условиям: на пирах у гомеровских царей и на симпозиумах, а также на многочисленных религиозных и светских празднествах общегреческих или внутри небольшой группы и, прежде всего, во время музыкальных агонов на религиозных фестивалях, таких, как афинские Дионисии и Панафиней. Древнегреческая поэзия – это поэзия ситуативная; ситуация заложена в ее коде, причем на такой глубине, что в тексте мы почти не обнаруживаем эксплицитно отсылающих к ней признаков. Отношение «текст-слушатель» – это всегда отношение «исполнитель текста-слушатель». Оно предполагает конкретное соприкосновение, реальный диалог двух персонажей, которые видят друг друга и вступают между собой в контакт. Тем самым, античная поэтика есть поэтика эффекта: ее задача оправдать ожидания аудитории, которые содержат общеизвестные константы, заложенные в правила игры. Стремление петь, произносить слово в своем глубинном замысле отвечает стремлению слушать, присущему определенной группе людей. Автор произведения или тот, кто его произносит (независимо от того совпадают эти фигуры или нет), тесно связан с коллективом, благодаря которому он существует, с его

культурой и историей; он активно сопричастен общей идеологии и разделяет вкусы людей, с которыми общается.

Коммуникация строится по линии «исполнитель-слушатель» и сопоставима с обыденной речевой практикой. Целью обыденной речи является не только донести информацию, но и вовлечь собеседника в разговор, создать общий языковой опыт⁵. В этом ее существенное отличие от письменной формы коммуникации, нацеленной на передачу информации и характеризующейся отделением автора от читателя в пространстве и времени. Устная передача словесно-художественных произведений соответствует звуковому, речевому бытию слова, органической связи слова с интонацией и мимикой, естественному контакту объекта и субъекта. В условиях письменной коммуникации происходит перекодирование, в процессе которого нивелируются многие внетекстовые элементы⁶. Внетекстовыми элементами в устной традиции должны считаться не только элементы интонационные и мимические, но и контекст пения и рассказывания, предшествующее и последующее поведение исполнителя и слушателя, степень институализированности исполнения. Речь с прагматической точки зрения – это деятельность, производимая в акте коммуникации, и как действие она должна быть, прежде всего, действенной. В реальном речевом акте информация не должна быть обязательно новой, чтобы быть эффективной.

Поскольку исполнение произведения всегда было публичным, то поэзия была удобным средством для трансляции новых идей и тенденций, начинающих набирать силу в меняющейся культуре архаической Греции. Поэзия, внешне воспроизводя темы традиционной эпической поэзии, которая была каноном для всех разновидностей поэтического творчества, демонстрировала разрыв между идеальным самоосмыслением культуры ее носителями и текстовой реальностью. За провозглашаемой ориентацией на традиционность тем и по-

этической техники мы обнаруживаем нарушение, а точнее переосмысление традиционных правил и канонов («имплицитная эстетика»).

Переосмысление этических категорий происходило, прежде всего, в хвалебной поэзии. Эпические песни прошлого конструировали широкий репертуар поведенческих стандартов, открытый для выбора и комбинаций способов обретения славы и, следовательно, создания «героической» репутации для героев настоящего. Репертуар деяний, обеспечивавших почести и славу, таким образом, организовывался в ценностную систему. Но действовать согласно эпическим стандартам было мало, необходимо быть воспетым в соответствии с тем же самым стандартом. Именно исполнение поэм и гимнов было способом привлечь внимание к доблестям, к воинским подвигам, победам на состязаниях, благородству, умению искусно говорить, тому, о чем поэмы и слагались с индоевропейских времен. То есть художественная форма речи служила важнейшим способом публичного и незабываемого признания доблестей, без которого слава несовершенна и даже невозможна. Соответственно, «эпическое поведение» навязывалось, если ищущий славы желал быть прославленным в поэмах и гимнах, а противоположное – порицалось. Таким образом, поэзия навязывала реальности этические категории.

Поэзия формировала не только этическую систему ценностей, но и религиозную. Необходимо отметить, что различие религиозной и секулярной поэзии для Греции весьма условно. В каждом произведении, так или иначе, присутствуют образы богов, но не каждое исполнение связано однозначно с религиозной практикой (например эпос). В этом смысле показательны гомеровские гимны. Гомеровские гимны, написанные так же, как и эпос, дактилическим гекзаметром, использующие ту же формульную технику, исполняющиеся в том же контексте, имели религиозную прагматику. Гимны имели четкую структуру: зачин,

концовка и развернутая мифологическую часть. Мифологический нарратив внутри гимна являлся своего рода теогонией. Социальная функция гомеровских гимнов была утвердить единые для всего греческого общества роли богов внутри Олимпийского пантеона, чтобы в этих ролях они фигурировали во всех местах, где их почитали. Поэтому все эти гимны в форме повествования о деяниях богов прославляли за особую мощь каждого в отдельности и одновременно описывали их силы внутри Олимпийской системы. Сила богов приписывалась им согласно их мифическим отношениям с другими богами. Эта тема реализовалась не только на уровне содержания гимнов, но дублировалась на уровне эпитетов. Статус же божеств в гимнах подтверждался поэтом и через наделение их речи качественной характеристикой.

Подобное многократное проговаривание одной и той же информации на нескольких уровнях текста характерно для традиционной культуры. В бесписьменной культуре огромные массивы информации должны храниться устно. Это возможно, прежде всего, потому, что информация из-

начально организуется особым образом – с тем чтобы ее было проще воспроизводить, она в принципе связана с системой памяти и с системой общения. Отсюда специфическая организация текста (мысль должна быть выражена при помощи ритмически организованных формул, аллитераций и ассонансов, использовать готовые формулы, эпитеты, стандартные тематические формы). Эти готовые общие места, сочетаясь, и составляют материал мысли, не только ее выражение. Так, гимническая поэзия воплощала идеологию панэллинской религии, закрепляя ее в сознании слушателей через традиционную технику организации текста.

Таким образом, религиозная система ценностей как этическая в архаической Греции находила свое отражение в эстетической форме. Поэтому в более широкой перспективе правомерно следующее определение социальной роли поэзии в архаическом обществе: «Поэзия в Греции на пути от примитивного к сложно устроенному обществу ... являлась определителем общественных форм, руководством в политических начинаниях, реформатором языка, стимулом эволюции»⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гиц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 104–149.

² *Sahlins M.* Historical Metaphors and Mythical Realities. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981.

³ *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПбГУ, 2001.

⁴ *Яусс Г. Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995, №12. С. 34–84.

⁵ *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПб», 2005. С. 439.

⁶ *Лотман Ю. М.* Устная речь в историко-культурной перспективе // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика I. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский государственный университет, 1978. С. 113–122.

⁷ *Snell V.* Poetry and Society. The role of poetry in ancient Greece. Bloomington, 1961. P. 1.